

— Благодетелем является врач, который принимал роды. В то время он был главным в отделении гинекологии 267-й больницы, — с улыбкой сказал Янь Хун. — У нас в больнице говорят, что если врач может так запомниться, то это уже стоит всей жизни.

Веко Цинь Гэ снова дрогнуло.

— Этот врач сейчас в больнице? — спросил он.

— Да, но он находится в палате и не принимает посетителей, — ответил Янь Хун. — Это как раз тот самый отставной заместитель директора, о котором я тебе говорил, Цай Миньюэ. Она ждет, когда Пэн Ху проведет операцию.

Цинь Гэ нахмурился:

— Она пациентка Пэн Ху.

— Не только. Она его благодетельница, — добавил Янь Хун.

До прихода в 267-ю больницу Пэн Ху работал в обычной многопрофильной больнице.

Благодаря своему мастерству он быстро завоевал популярность среди коллег и пациентов, что вызвало зависть у некоторых старших коллег. Вскоре его статус особого человека стал известен всем.

Хотя и Стражи, и Проводники могли заниматься любой профессией, доступной обычным людям, под влиянием недоброжелателей Пэн Ху стал объектом серьезной дискриминации. Медицинский персонал и пациенты написали коллективное письмо с просьбой уволить его, а вокруг него начали распространяться слухи, из-за которых он попал в неприятности.

Узнав об этом, Цай Миньюэ, которая в то время была заместителем директора 267-й больницы, посетила Пэн Ху и наняла его в свою больницу за большие деньги.

Благодаря рекомендациям и защите Цай Миньюэ слухи вокруг Пэн Ху постепенно исчезли, и его работа в 267-й больнице наладилась.

— Если бы не Цай Миньюэ, карьера Пэн Ху давно бы закончилась, — сказал Янь Хун. — Поэтому в течение полугода, пока она лежала в больнице, Пэн Ху ухаживал за ней с особой тщательностью. У директора Цай есть сын, но мы все считаем, что Пэн Ху больше похож на ее сына.

Цинь Гэ почувствовал, как исчезает та часть, которую он раньше не мог понять.

Пэн Ху узнал о некоторых ужасных событиях прошлого, и его профессиональная этика заставляла его чувствовать беспокойство, подталкивая к тому, чтобы раскрыть правду. Но эти события были связаны с его благодетельницей.

Поэтому он говорил полуправду, скрывая детали. Он находился в постоянном противоречии и мучился, ожидая, что Цинь Гэ и его команда приблизятся к истине, но в то же время боялся, что они сделают это слишком быстро, и правда откроется раньше времени.

— Мы можем встретиться с Цай Миньюэ? — спросил он Янь Хуна.

— Сейчас?

Цинь Гэ кивнул:

— Сейчас.

Янь Хун заколебался:

— Это сложно... У Цай Миньюэ помимо проблем с сердцем еще и голова не в порядке. Она постоянно говорит бред. Кроме Пэн Ху, ее сына и медицинского персонала, которому разрешил сын, никто не может войти в ее палату.

Тан Цо машинально спросил:

— Бред?

— Ее сын говорит, что это бред, но Пэн Ху слушает это очень внимательно. Он часто проводит в палате по часу, просто слушая, как она бормочет, — подумав, Янь Хун вдруг добавил:

— Может, бред Цай Миньюэ сделал Пэн Ху ненормальным?

Цинь Гэ не ответил, а напрямую спросил:

— Если нам потребуется помощь Цай Миньюэ в расследовании?

Янь Хун на мгновение застыл, его лицо стало серьезным.

— Нет, — твердо сказал он. — Цинь Гэ, ваш отдел еще не официально создан. Только если Кризисное бюро подаст запрос, мы сможем рассмотреть ваше требование. Но у вас нет никаких доказательств, и даже если мы рассмотрим запрос, мы обязательно откажем.

Янь Хун угостил их обедом в знаменитой больничной столовой, а затем ушел. Видя, что день клонится к вечеру, Цинь Гэ решил вернуться домой, чтобы подумать над другими способами встречи с Цай Минъюэ.

Пока Бай Сяюань забирала машину, Се Цзыцзин, у которого началась ломка от никотина, купил пачку острого лапши, развернул ее и начал жевать.

— Цинь Гэ, а что за духовная сущность у тебя? — спросил он.

Цинь Гэ, который как раз спрашивал Тан Цо о городских легендах, связанных с музейной экспозицией больницы, нахмурился и решил не отвечать.

Однако, решив не реагировать, он вдруг почувствовал внутри странный вопрос: «Мы с тобой встречались, а ты не знаешь, какая у меня духовная сущность?»

...Любовные иллюзии действительно жестоки.

Се Цзыцзин продолжал настойчиво спрашивать:

— Мне нравятся пушистые, приятные на ощупь животные. Ты такой?

Игнорирование Цинь Гэ стало настолько очевидным, что даже Тан Цо почувствовал неловкость.

Он осторожно поднял руку, пытаясь завязать разговор с Се Цзыцзином, чтобы разрядить обстановку:

— Се Цзыцзин, у меня тоже много шерсти.

Се Цзыцзин не проявил особого интереса к его духовной сущности, доел лапшу и только потом спросил:

— Что это?

Тан Цо:

— Панда.

Се Цзыцзин: «...»

Цинь Гэ увидел, как его глаза мгновенно загорелись от этих слов.

Голос Се Цзыцзина даже изменился, и в нем появилась вежливость, которую Цинь Гэ не замечал за два дня знакомства:

— Можно мне посмотреть?

Панда Тан Цо была чем-то средним между взрослой и детенышем. Цинь Гэ предположил, что ее длина не превышает метра.

Из-за своих размеров, когда она сидела рядом с Тан Цо, свернувшись в комок, то напоминала плюшевую игрушку.

Се Цзыцзин осторожно присел перед пандой и осторожно протянул руку.

— Можно ее погладить?

Тан Цо кивнул.

Се Цзыцзин сначала погладил спину панды, и та тихо хмыкнула. Он быстро отдернул руку, но, увидев, что панде это не неприятно, снова протянул руку и на этот раз коснулся ее уха.

Панда повернула голову к Се Цзыцзину и через мгновение закрыла глаза, явно наслаждаясь его прикосновением.

Се Цзыцзин все больше воодушевлялся:

— Можно ее обнять?

Тан Цо немного замялся:

— Нет, она может укусить.

Се Цзыцзин с сожалением опустил брови, продолжая тереть полукруглые ушки и бормоча:

— Я же хороший.

Се Цзыцзин, проявляющий такую любовь к панде, вызывал у Цинь Гэ дискомфорт.

Он встал и отошел.

Вечером возле больничного корпуса гуляло много пациентов. Духовная сущность в виде панды была настолько редкой, что вскоре вокруг нее собралась толпа, все хотели потрогать, но не решались.

Панда лежала на траве, а Се Цзыцзин гладил ее уши, а затем маленький хвостик. Она была спокойной, перебирала лапами по земле и смотрела на двух полузомбированных людей с морщинистой кожей в толпе.

— На что вы смотрите? — полузомбированные люди повернулись и спросили хриплым голосом.
— Что он трогает?

Стоящий рядом человек объяснил:

— Это духовная сущность Стража или Проводника, вы ее не видите. Это панда.

Морщинистая кожа двоих дрогнула, остатки мышц на их лицах и ртах напряглись, красные глаза округлились, и они одновременно издали удивленный и сожалеющий вздох:

— Ох!

Цинь Гэ вспомнил кое-что.

Духовные сущности, которые могут создавать только Стражи и Проводники, и которые могут видеть только они, — их существование когда-то заставляло людей думать, что Стражи и Проводники — это высший класс человечества.

Стражи, обладающие лучшей физической подготовкой, большей силой и ловкостью, и Проводники, более чуткие к эмоциям, глубже понимающие и более внимательные, всегда были главной силой на поле боя. Они работали вместе: один отвечал за атаку и силу, другой — за успокоение и контроль.

Во время действий эмоционально неустойчивые Стражи часто сталкивались с проблемами в «море сознания». Проводники отвечали за его успокоение, сдерживая ярость и агрессию, удерживая эмоции Стража в безопасных рамках.

Они были самыми надежными и одновременно самыми пугающими воинами во времена войны.

Но в мирное время Стражи и Проводники перестали быть такими особенными.

С появлением подземных жителей, полужомбированных людей, снежных людей и других особых людей, которые представили доклады, подтверждающие, что у некоторых мутантов изменилось строение глаз, позволяющее им видеть духовные сущности Стражей и Проводников, они стали менее таинственными. Запрещенные ранее прямые трансляции с участием духовных сущностей снова стали популярны, и многие Стражи и Проводники начали зарабатывать на этом, становясь известными интернет-знаменитостями.

Цинь Гэ подумал, что отсутствие тайны — это хорошо.

Он тоже хотел быть обычным человеком среди тысяч других.

Подняв взгляд на панду, он увидел, что Се Цзыцзин подбежал к нему.

— Хватит гладить? — спросил Цинь Гэ.

— Ревнуешь? — спросил Се Цзыцзин.

Цинь Гэ действительно не мог понять, что творится в голове у этого человека.

— Хватит. Панда — это здорово, она и милая, и опасная, — сказал Се Цзыцзин. — Идеальный партнер. А какая у тебя духовная сущность?

<http://bllate.org/book/15560/1384438>